

18+

ЭМИ МУН

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The man is shirtless and muscular, with a beard, and the woman has long, wavy brown hair and is wearing a dark blue sleeveless top. They are in a dark, magical forest with glowing blue and orange particles floating around them. The background features silhouettes of trees and a soft, ethereal light.

ПЕСНЯ для оборотня

Эми Мун

Песня для оборотня

«Автор»

2019

Мун Э.

Песня для оборотня / Э. Мун — «Автор», 2019

Когда близким грозит смерть, в отчаянье пойдешь на безрассудство. Айла собиралась замуж, а не на войну, но, спасая брата, очутилась среди лесов Айсвинда. Живым из них не возвращался ни один воин. Но, говорят, в каждом правиле есть исключение. А еще – что оборотней не существует. Так вот о последнем нагло врут.

© Мун Э., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эми Мун

Песня для оборотня

Пролог

– Но, мой Император, два десятка боевых магов... -

Главный Советник осекся. Рандольф Второй чуть выгнул бровь, и мужчина упёрся взглядом в темную столешницу.

– Как прикажете, Ваше Величество, – пробормотал он, – я отдам распоряжение о сборе. Так-то лучше.

– Полсотни лекарей.

Теперь бледнел ректор Академии целителей. На гладкой лысине заблестел пот.

– Да Ваше Величество, – почти фальцетом ответил он. Но Рандольфу было плевать, что старик дорожит каждым, даже самым убогим целителем. Полсотни, не меньше!

– Воины, которым будет оказана честь, должны быть не зелёными рекрутами, а обученными бойцами!

Генерал оскорбленно поджал губы, но колкость проглотил.

– И вооружение для них должно быть лучшим.

Теперь хмурил брови казначей. Но его ужимки не интересовали императора. Пусть срезает усыпанные камушками пуговицы со своего парадного костюма, но добудет столько золота, сколько нужно для успешного похода.

– Я буду курировать этот вопрос лично! – в голосе звучала угроза, словно подданные, сидящие перед ним, уже посмели ослушаться, – Свободны!

Четверо мужчин поднялись из-за стола и, поклоном оказав уважение своему императору, поспешили прочь. В зале остался только он. И сын. Седерик сидел по правую руку, и Рандольфу Второму не нужно было поворачивать голову, чтобы увидеть на лице юноши замаскированное, но все равно недовольство.

Хотелось скривиться, как от зубной боли. Мальчишка пошел характером в мать! Ни требуемой в политике жёсткости, ни амбиций! Двор восторгался наследным принцем, а Рандольф отчаянно жалел, что супруга не успела исполнить свой долг дважды и подарила ему ещё одного сына. Может хоть с него был бы демонов толк!

– Мой Император, леса Айсвинда опасны. Перемирие едва достигнуто и обошлось дорого. Если его нарушить, торговля...

– Помолчи.

Император встал и, чеканя шаг, направился к аркам окон. Злой взгляд мальчишки жёг спину, а у него руки так и зудели от желания взять розгу и как следует проучить наглеца. Но телесные наказания – удел черни. Разве что тренировочная дуэль, где Рандольф теперь позволял себе не сдерживаться, могла ненадолго образумить сына.

Мужчина пристально оглядел раскинувшуюся перед ним панораму города. А взгляд так и тянуло левее, туда, где за многие версты от столицы Феорит, зеленели леса Айсвинда.

От кипящей внутри злости хотелось сорвать корону и швырнуть ее в оконное стекло. Это был вызов! Непокорность и сила варваров выводила из себя! Посметь сначала отказаться от союза, а потом подчистую вырезать всех, кто приходил к ним уже не с поклоном, а с мечом. От воинов оставались только головы, которые айсвиндцы нарочно бросали у границ. После второй неудачной схватки император велел рубить деревья и расширять ту маленькую тропу, что торгоши проложили к варварам. Конница и тяжелое оружие должны были решить проблему,

но стоянки лесорубов разорялись, а разведчики бесследно пропадали в дремучих чащах. И два мага, призванные в поддержку тоже исчезли!

Рандольф незаметно сжал кулаки. Его отец – Рандольф Первый – увеличил земли Империи, и он, как примерный сын, следовал по его стопам. Пока не споткнулся о варваров! Им не нужны были ни защита, ни богатства. Они не соблазнились ни сладкими речами послов, ни возможными перспективами. Неотёсанные дикари! Но в роскошных, драгоценнейших шкурах...

Император задумчиво тронул серую опушку плаща. Ширшол. Редкая маленькая зверушка, которая водится в лесах и горах Айсвинда, пленила его внимание. Чудесный мех, что легче пуха и теплее дюжины толстых шерстяных одеял. Одному пронырливому торгашу удалось раздобыть парочку живых тварей. Купец отдал за них всю партию шелка, льна и хлопка. Но размножаться даже в самом просторном вольере серые комки не захотели. Да и прожили недолго.

Очередная неудача! Это было уже делом принципа – согнуть непокорных. И он сделает для этого все! Император улыбнулся. Двадцать магов справятся и с многотысячным войском. Варварам не устоять!

– Время тренировок, сын, – произнес, поворачиваясь к Седерику. В карих глазах мелькнула ненависть, но мальчишка стиснул зубы.

– Как пожелаете, мой Император, – процедил он.

Глава 1

В груди жгло, словно вместо сердца там ворочался раскаленный уголь.

«Мне не нужна солдатская шляха» – от этих слов ей хотелось одновременно и броситься на Кельвина с кулаками, и разрыдаться от бессилия.

Айла сморгнула подступающие слезы, и все же отлипла от ствола дерева. Их с Кельвином особое местечко было запятнано ссорой. Жестокие слова, которые высказал ей любимый, одним грязным пятном легли на все радостные воспоминания, нежные слова и тайны, которые хранила плотная крона старой ивы.

«Солдатская шляха»... А его губы могли дарить не только поцелуи и ласки. Несколько хлестких фраз – и щеки алели, как будто он отвесил пару пощечин. Ее собранный серьезный Кельвин кричал и ругался. Скуластое лицо было перекошено от гнева. И Айла даже испугалась, что сейчас он действительно ударит ее. Пусть худой, но силы в нем много. А потом Кельвин сказал про шляху...

Не выдержав, она все-таки всхлипнула. Как он мог?! И даже ее робкое лепетание о согласии на магическую клятву верности было встречено презрительной гримасой и злым блеском голубых глаз.

С трудом переставляя ноги, Айла побрела к их поселению. Не деревня, а уже скорее маленький город, оно тянулось вдоль цепи холмов. Она нарочно старалась идти медленно, чтобы хоть немного прийти в себя. Заплаканные глаза – какой повод для местных кумушек, которые только и ждали, что Кельвин поиграет и бросит!

Но Айла верила своему возлюбленному. Кельвин надежный, рассудительный и спокойный – так она думала до этого вечера.

Дом ее встретил траурной тишиной и запахом успокоительного отвара. Мать наверняка спала, а отец сидел у ее кровати и держал за руку. Весь седой и с потухшими, будто присыпанными пеплом глазами. Даже неугомонные сестрички затаились в своих комнатах. Не носились по дому, наполняя его шумом и весельем, а как испуганные голубки сбились в стайку и тихо надеялись, что все сейчас происходящее – один страшный долгий сон.

Айла на цыпочках прокралась в свою комнату. Ей тоже так хотелось в это верить! Что гонец, примчавшийся с письмом, искал кого-то другого, но не их брата Вилла. Что Император передумает и не станет снова нападать на варваров. Да, в конце концов, что это страшное послание просто подделка! Но нет, магическая печать сияла багровым светом, призывая выполнить волю сильнейшего. Да, ей тоже было жаль те деревни, что пострадали от набегов варваров. Только Император мог давно отвести людей дальше от границ, а вместо поселений выставить военные заставы.

Негнушимися пальцами Айла развязала шнуровку накидки и швырнула ее на стул, а сама упала на аккуратно заправленную кровать. Ну почему в их деревне лекарей двое?! За что Боги дали способность исцелять не только брату, но и ей? И почему по дурацким законам нельзя призывать под знамена войны женщин?!

А она бы пошла! Переступая через собственное отвращение к кровопролитию и страх, через материнские слезы, отцовский крик и уговоры сестер, первая бы явилась на зов о сборе. Потому что Вилл нужен здесь! Прекрасный, обученный лекарь, кормилец всей их большой семьи и спасение для жителей городка. Айла тоже была отмечена Богами, но только брат смог попасть в Академию – учеба стоит дорого! А потом, не смотря на блестящие перспективы, вернулся сюда, давая возможность отцу оставить работу, а сестрам подарить надежду выйти за тех, кто им понравится.

Дверь внизу тихонько хлопнула. Вилл! Айла подхватила, и, легко похлопав по щекам, чтобы вернуть им краски, побежала встречать брата. Из соседних комнат высунулись четыре бледные мордашки. Шикнув на сестер, она спустилась вниз.

Вилл выглядел как всегда спокойным, но карие глаза стали почти черными, а лицо напротив, бледным и осунувшимся.

– Вилл...

Айла поспешила обнять брата. Крепко-крепко, словно он собирался уходить уже сейчас.

– Сестра.

Его ладони были ледяными – она чувствовала это даже сквозь плотную ткань платья.

– Вилл, нам надо поговорить.

А сердце опять затрепетало от боли. С этими же словами она сегодня пришла к Кельвину. Измочалив кончик толстой косы, выдавила из себя план, о котором размышляла всю ночь, слушая рыдания матери и тихие уговоры брата. Она возьмет письмо, оденется в мужские одежды и пойдет вместо Вилла! Они похожи. Оба темноволосые и темноглазые, очень высокие и худощавые, но главное – лекари! Кто станет разбираться, что ее магический резерв меньше? А из Академии Вилл ни с кем не общался. Прилежный в учебе, он сыскал себе славу нелюдима и заучки. Жителей же можно обмануть тем, что призыв Императора отменен.

– Пойдем, – ухватив его за руку, она потянула парня в кухню, – я знаю, что нам делать...

***

Теперь она еще и сумасшедшая! Айла нервно рассмеялась, выхаживая по своей комнате туда-сюда. От кровати к шкафу, потом к столу, и снова по кругу. "Сумасшедшая солдатская шляха"! Как звучит!

Она остановилась и топнула ножкой. Лютя, стоящая рядом, отозвалась тихим гудением. Айла сердито глянула на инструмент, струны которого по привычке перебирала время от времени, вспоминая уроки старой Франко – учительницы-менестреля, что однажды прочила ей, может, не славу, но признание среди горожан. Айлу с удовольствием привечали в таверне, но то были песни для чужих людей. А вот близкие... Их не купить сладкоголосой просьбой. И никто не хотел подумать головой, что так будет лучше для всех. Кроме нее...

Но Айла была уверена, что справится! А как только начнется первый бой, просто потихоньку исчезнет. Пусть ее считают пропавшей без вести. Да, ей заказана дорога домой, но ведь можно поселиться поблизости. Вдвоем с Кельвином они бы все преодолели. Он же обещал быть рядом, чтобы ни случилось...

Зло зашипев, Айла снова заметалась по комнате. Окошко звякнуло раз, другой, но только на пятый Айла услышала тонкий стук камушка о стекло. Недолго думая, она распахнула ставни и высунулась наружу. Чтобы чуть не рухнуть вниз от радости. Кельвин! Но тут же показательно скрестила руки на груди, мол, чего надо? Кельвин оглянулся, и знаками попросил спуститься. Сложил длинные ладони, как в молитве. Ладно, если ее так нижайше просят...

Как только она вышла, то сразу же угодила в крепкие объятия.

– Айла, прости! – зашептал парень, стискивая ее своими длинными руками. – Я, э-э-э... погорячился!

Прогоняя с лица дурацкую улыбку, она отстранилась.

– Погорячился когда? Обрував меня на чем свет стоит? И назвав...

– Погоди-погоди! – Кельвин нервно дернул ворот синей рубахи. – Ну, сказанул лишнего – да, но ты ведь понимаешь, что я это не со зла! Придумать такое... В общем, я все понял. Вот. В принципе, давно пора было уже...

Подхватив ладонь девушки, он положил на нее серебряное колечко.

– Выходи за меня!

Айла уставилась на кусок серебра в своей руке. Наверное, она должна была радоваться, ведь, как и любая девушка ждала этих слов. Представляла себе их семью, будущих детишек, и

что там ещё нужно представлять. Думала, как будет содержать их дом, ждать Кевина с работы, готовить вкусные пироги и шить одежду, петь колыбельные и рассказывать сказки... Лечить, если после родов магия не выгорит – иногда такое у женщин случается. Так почему же вместо трепета на душе так гадко? Словно от нее откупились, кинули желанную кость, как плату за сделку с собственной совестью?

– Я... подумаю... – выдавила она, а пальцы предательски сжались, хватая тоненький серебряный ободок. И Кельвин смотрел на нее нежно и тепло, словно в тот самый первый раз, когда касался ее губ осторожными, успокаивающими поцелуями, – Да. Подумаю.

Глава 2

– Эй, мальчонка! Потолкуем о жизни? В тех кустах!

Под громкий хохот, худая сутулая фигурка в целительной хламиде шарахнулась в сторону.

– Какой пугливенький! Люблю. Иди сюда малыш, скидку сделаю!

Новый взрыв смеха сотряс воздух и юноша, крепче прижав к себе лекарскую сумку, поспешил затеряться среди походных костров. В спину ему летел гомон разгоряченных вином и мужским вниманием женщин. Походные девки, за которых в мирное время едва ли платили четверть серебра, а то и вовсе обходили стороной, сейчас были нарасхват. До границ Айсвинда не меньше шести недель пути. И если звенящие золотом маги могли позволить себе дорогих куртизанок в шелках и бархате, то простые солдаты довольствовались «веселым обозом», который, впрочем, скоро повернет назад – брать в земли Айсвинда шлюх никто не собирался.

Юноша сморщил мясистый нос и бочком обогнул ещё одну разудалую компанию, где только наслаждались ужином, но уже поглядывали в сторону пёстрой стайки дам.

– Кампания почище, чем когда мы Гринвилд брали, – с характерным для отсутствия зубов пришепётыванием вещал один из «ветеранов», – двадцать три мага! Да пусть варвары хоть всем своим Айсвиндом выйдут на поле брани – сдохнут, как крысы! До одного сдохнут! Хасс их заberi!

– Так-то в этих дебрях двое магов пропало, – с сомнением возражал другой рубака, но темные глаза сверкали, делая грубое лицо совершенно хищным.

– А-а-а! Двое! – презрительно сплюнул первый. – По своей глупости – не иначе! Там двое, а у нас двадцать три!

Восторженные, и уже злые крики звучали со всех сторон. С каждой милей люди в войске все меньше напоминали людей. Слухи о разорённых деревнях, замученных женщинах и детях кипятили кровь, а жажда наживы совершенно лишала воинов морального облика. Даже целители, которым по их предназначению полагалось лечить и давать жизнь, все чаще шептались о том, что давно пора было идти войной на Айсвинд.

– Эй, Вилл! – донеслось сбоку.

Худой лекарь вздрогнул и опустил голову. Короткие темные пряди упал на глаза.

– Да? – прохрипел, сильнее стискивая сумку.

– Иди сюда, – один из сидящих у палатки парней похлопал рядом с собой.

Стефан был самым добродушным в их группе. Рыжий, как солнце и такой же теплый, он словно не касался грязи вокруг. И почему-то выбрал подопечным именно скрытного и молчаливого Вилла. Тащил еду на двоих, помогал на сложных переходах и спать устроился совсем рядом. Руку протяни – и коснешься плеча улыбчивого, конопатого великана с по-детски наивными и круглыми глазами.

Тихонько вздохнув, Вилл протиснулся к сидевшему Стефану. Спину жгли недовольные взгляды, но окружающие молчали. Со Стефаном воевать опасно – руками рвал крепкую пеньку.

– Вот, поешь, – дал миску с дымящейся кашей, – последняя нормальная еда. Волнуешься? И как тебя, такого малахольного, взяли...

– Спасибо, – прохрипел лекарь с набитым ртом. Кормили тут вкусно: мяса больше, чем круп и повара – мастера своего дела.

– Тебе толстеть надо, – уверенно продолжал Стефан. Кажется, его совершенно не волновало, что завтра они пересекут полноводную, бурную Идден – реку, которая извилистой границей залегла между лесами Айсвинда и Империей, – посмотри на себя! Походный мешок больше весит! И ешь ты, как девица!

Лекарь вздрогнул и выронил ложку. Послышались сдержанные смешки.

– Вот неудалый, – вздохнул Стефан, – на, держи мою. Как бы ты с мечом обращался? Э-э-э, да ты его и не удержишь!

Ложка опять заскребала по дну миски. Целителям не полагалось оружия. Поясной кинжал – вот все, что защищало их в бою. Для лечения требовались сосредоточенность и желательность две руки. Размахивать железками не было ни времени, ни возможности.

– Вот закончится эта канитель, вернусь в Блэкрок и выкуплю наш дом, – продолжил тем временем Стефан, – родители и сестра рады будут...

Лекарь-великан мечтал заработать с военной кампании достаточно, чтобы вернуть своей семье родовое гнездо, которое отошло по наследству к не очень честному родственнику, подкупившему судей.

Когда Стефан начинал говорить о «сморчке», то окружающие пугливо прижимали головы – добрый великан переставал быть добрым.

– Спасибо, – прохрипел лекарь, отдавая миску и ложку обратно.

– Э-э-э, опять половину съел. Совсем не годится! И откуда сил берешь?

Худые плечи дернулись, мол, и сам не знаю. Ещё раз поблагодарив, парнишка юркнул в палатку.

Вокруг царила тьма, но он уверенно пробрался к своему месту в самом конце походного шатра. Тщательно завернувшись в тонкое шерстяное одеяло, затих, усиленно прислушиваясь к шуму на улице и внутри. Минута, другая... Внимательно контролируя каждое движение, парень полез в холщовую лекарскую сумку. Там, на самом дне лежала бутылочка. Уже почти пустая, но содержимого хватит ещё на несколько применений. Осторожно смочив жидкостью край одеяла, Вилл принялся старательно натирать нос.

***

– Не нравится мне это, Вилл, держись поближе...

Да куда уж ближе! Они и так словно прилипли друг к другу! Стефан осторожно ступал по лесной тропинке, поглядывая по сторонам. Но было тихо. Слишком тихо, чтобы это казалось нормальным.

Когда они пересекли реку Идден, то готовились к немедленной атаке. Ждали, что из-за деревьев выскочат варвары, сотрясая оружием и выкрикивая призывы к бою. Разведчики, правда, не заметили никого поблизости, но это не развеяло настороженности, довлевшей над ними, во время трехдневного продвижения через леса Айсвинда. Почти незнакомая территория, дикие звери и едва видная тропа торгового пути. Первый пункт обмена, куда купцы свозили свои товары, находился в двух днях пути.

– Лучше бы они деревья рубили, – нервно потёр руки шагающий рядом Ник. Рядом с великаном Стефаном толпились еще несколько целителей.

Пусть маги и окружили войско защитным контуром, все же людям постоянно мерещились чьи-то пристальные взгляды, а на привалах, когда армию согревали уже не костры, а магия, в черных тенях мелькали багровые искры. Конечно, это были лишь звери. Каждый день разведка находила свежие следы медведей и рысей. И все же напряжение усиливалось. Люди привыкли к открытым территориям, а тут густой лес.

– Мне кажется...

Далеко справа послышался звук рожка, такой пронзительный и громкий, что Вилл шарахнулся к замершему Стефану. Первая нота боя прозвучала, и следом послышался лязг мечей и треск магии.

Воины ринулись вперед с оружием наизготовку. Руки лекарей вспыхнули нежным, молочно-золотистым светом – сейчас, к первым раненым потянутся тонкие нити силы, питая и заживляя любые раны. Но тут до их рядов донеслось протяжное:

– Волки-и-и!

Волки? Как?! Ведь защитный контур... Но мысль оборвал повторившийся дважды звук рожка.

– Целителей к правому флангу! – ударил в спину приказ.

Худой лекарь попятился. Нервно завертел головой по сторонам, словно торопился не исполнить указание командира, а сбежать, но повторный крик заставил сделать несколько шагов вперед. А деревья озарялись все новыми вспышками заклятий. Сквозь разорванную в клочья тишину пробивался жуткий рык и грохот. Хаос набирал обороты, закручивая людей в кровавый вихрь безумного и неожиданного боя.

– Твари-и-и! Демоны-ы-ы! – заверещало сразу несколько голосов. Паника черной волной prošлась по рядам воинов. Что-то жуткое творилось там, за толстыми стволами деревьев. Воины с перекошенными лицами бежали назад, не слушая командиров.

– Демоны! Демоны!

– Сомкнуть ряды!

Но приказы тонули в нарастающих криках ужаса. Люди, еще недавно готовые смести всех на своем пути, теперь позорно отступали, не продержавшись и пятнадцати минут.

– Стефан, что..., – воскликнул худой лекарь, но тут на них выскочило то, что гнало воинов обратно.

– А-а-а! – взвыли даже самые бесстрашные.

Это были не волки! Их было много: угольно черные, белые, серые, бурые... Таких животных просто не могло существовать! Огромные твари в холке по грудь взрослому мужчине. С жуткими багровыми глазами и оскаленными пастьми. Они бежали со всех сторон, оставляя за собой растерзанные тела и следы крови.

– Магия! На них не действует магия! – кричали со всех сторон. Огненные шары, что должны были нести смерть, разбивались искрами о густой мех. Режущие плети воды распались невесомыми брызгами. Не замечая магов, твари рвались вперед, мощными укусами и ударами сея смерть вокруг себя.

– Вилл, бежим! – Стефан перехватил тонкое запястье и рванул в сторону так, что худой лекарь вскрикнул от боли. – Быстрее, быстрее!

И они побежали со всеми остальными, спасаясь от жути, которая с рычанием следовала по пятам. Их заманили в ловушку. Позволили зайти достаточно глубоко в лес, чтобы наверняка не сбежать отсюда! Твари действовали, как разумные! Окружали их кольцом, сжимали и гнали в том направлении, в котором им было нужно.

Спотыкаясь о корни, худой лекарь пытался угнаться за Стефаном. С криком шарахнулся в сторону, увидев обезглавленное тело. Из обрубка шеи торчал кровавый остов позвоночника и трубки артерий. К горлу подкатила тошнота.

– Помогите, – донёсся хрип со стороны, – пом...

Хруст ломающихся костей и победный вой резанул по ушам. В десяти шагах от них выскочил огромный серый волк, кровь капала с его морды.

Воин рядом с ними неловко оступился, подписывая себе смертный приговор. Прижав уши, тварь бросилась на него. Человек взмахнул мечом в последнем защитном жесте. Послышался визг, крик, но Стефан уже волок лекаря дальше.

Группа воинов с яростным кличем пронеслась в десятке футов от них. Захватив в клещи белоснежного волка, атаковали одновременно и короткий крик агонии принадлежал уже зверю. Не дожидаясь, когда на помощь подспеют его сородичи, воины круто свернули в сторону, скрываясь между деревьями для охоты за новой жертвой. Но за ними по пятам уже следовала смерть.

Все вокруг напоминало один внезапный и бесконечный кошмар. Боевые маги, основная опора войска оказались бесполезны! Их силы могли разве что поджечь дерево или швырнуть

камень, но звери были быстрее и хитрей. Они метались между воинами, не давая обрушить на них удар так, чтобы вдруг не зацепить людей.

– Вилл, сюда! – рывок в сторону, ноги заскользили по влажному мху, и они почти кубарем скатились в небольшой овраг. Бойня наверху продолжалась, а Стефан, пригибаясь, вел его прочь.

– Проклятые твари, – шипел сквозь зубы, – вот почему пропали те двое магов! Что за демоновы дела творятся в этих лесах...

Смазанная тень мелькнула над головой и лекарь великан попятился.

– Гр-р-р, – низко зарычало светло-серое чудовище. – У-у-у...

Стефан резко обернулся.

– Беги, я задержу, – шепнул одними губами.

Подхватил под мышки и швырнул вверх, буквально выбрасывая на крутой склон оврага.

– Стефан, нет! – дернулся к нему юноша, но тут же замер, наткнувшись на тяжелый взгляд голубых глаз, в которых, вместе с нарастающим страхом, мелькнуло что-то сожаление пополам с печалью.

– Не ошибся. Жаль... Беги!

Одновременно с его громким криком зверь бросился вперед. Два тела сшиблись в последней схватке. Огромные клыки пронзили плечо, и вместе с ними короткий кинжал вошел зверю под ребра. Серо-коричневый клубок покатился по земле, а лекарь, попятился в сторону и, спотыкаясь и постоянно оглядываясь, бросился бежать.

Глава 3

Люди бежали. Первая же атака внесла в их ряды хаос, и трусливые алчные твари не продержались долго. Разогнать их было легче, чем стадо оленей. Злобный рык вырвался из горла. Нет, он не станет оскорблять благородных животных этим низким сравнением! У них имеется гордость и честь, а у людишек, орущих на все голоса, ее отродясь не было.

Перекусив горло очередной жертве, темно-серый волк одним прыжком перемахнул через упавшее навзничь тело. В бок толкнуло холодным, но ощущение тут же пропало, словно и не было. Магия – единственное, на что уповали грязные крысы, хирс* (*прим. автора – ругательство, приятное между айсвиндцами*) их раздери, не прикрывала обгаженных от страха задниц.

Мать Волчица берегла своих детей. Защищала от магического вреда, не давая собранному войску и полшанса на победу. Рандольф Второй мог согнать сюда вдвое больше магов – это было бесполезно.

И все же людские мечи и копыя несли в себе смерть. Забирали по несколько жизней в каждой стычке, и сейчас он видел уже четверых своих братьев, без дыхания лежащих на земле. От этого обжигающая ярость становилась сильнее с каждым ударом сердца. Захлебываясь наслаждением, он рвал и трепал тех, кто посягнул на независимость оборотней. Не они начали эту войну, но остановят ее, даже если придется утопить в крови всю Империю!

Людей вокруг становилось все меньше. Жадно потянув носом, он оглянулся, выискивая новую жертву. Помощник ветер пробежался по кронам деревьев и в то же мгновение его лапы подломились.

Осев на землю, он заскулил, словно новорожденный щенок. Сердце грохнуло о ребра, высекая искры, и кровь в венах вспыхнула мучительным пламенем.

Нет! Нет!

Протяжный вой взвился к самым облакам. Шерсть на загривке вздыбилась, и пасть наполнилась слюной. Невозможно! Тут нет женщин! Не должно быть!

С диким криком на него выскочил будущий покойник. Глаза выпучены от бессильной ненависти и страха, а меч смотрел остриём прямо в грудь. Человек был быстр, но зверь ещё быстрее. Удар – когти содрали кольчугу, обнажая незащитный живот, ещё удар – и дуги ребер торчат острыми обломками, а внутренности лежат на земле одним сизо-красным комом.

Не чувствуя боли в раненном плече, волк перемахнул через мертвеца и помчался вперёд. Больше его не интересовали ни люди, ни братья. Только одно звало и вело вперёд. ЕЕ запах...

Среди смрада крови, боли и ужаса, ноздри ловили тонкий аромат лесных ягод и дикого меда. Душистого, терпкого. Клыки ныли от иссушающего желания укусить нежную кожу, скорее забирая бесценный дар Матери Волчицы. Его пара тут – среди кипящей кровавой яростью бойни. Ее могут убить!

Взвыв так, что соплеменник, бежавший поодаль, шарахнулся в сторону, волк с утроенной силой припустил вперёд. Из-под лап летели земля и мох, несколько раз в него швыряли магией и шкуру протыкали дротики, а он рвался сквозь бой.

Но на очередном прыжке из-за расступившихся деревьев показался его кошмар. Прижав уши и оскалив клыки, к маленькой, сжавшейся в корнях дерева фигурке приближался один из Стаи Ночных.

***

Вот и закончилось время, которое выиграл для нее ценой своей жизни Стефан. Заполюшные метания по лесу, под шум криков и рычания, эхом отражающихся от стволов вековых елей, не могли принести спасения. Боги не сжалились и не укрыли своими руками, позволяя выбраться из боя в безопасное место. Сбежать получилось недалеко от того овражка, где...

Айла всхлипнула. Сейчас, глядя в багровые глаза собственной смерти, она думала не об оставленной семье, не об обманутом и брошенном ею Кельвине, и даже не о собственных последних мгновениях жизни. Сердце плакало навзрыд о Стефане. О большом добром защитнике, без которого ей пришлось бы много хуже. Она вспоминала широкие ладони, в которых легко умещалась походная миска, густые рыжие вихры, сияющие на солнце настоящим золотом, и добрые голубые глаза... Теперь в них нет жизни – дикая тварь не пощадила почти безоружного, не защищённого броней лекаря! И ее ждёт та же участь...

Волк прижал уши. Подобрался, готовясь к прыжку. Весь выпачканный своей и чужой кровью, зверь хотел новой смерти. И Айла не собиралась защищаться – пусть лучше все случится быстро, а потом, в подземных чертогах Хасса, она отыщет Стефана. Если, конечно, ее – обманщицу и неудачницу – подземный Бог пустит к тем, кто чист мыслями и благороден сердцем.

– Великий Хасс, повелитель...

Губы дергались в последней молитве. А в мыслях одни только голубые глаза, полные сожаления и печали. В чем он не ошибся? Неужели понял, раскусил ее тщательный обман?

Белоснежные клыки обнажились ещё больше. Раскатистый рык, пронесся по телу волной предсмертного холода. Багровые глаза сверкнули, и тварь бросилась на нее.

Айла все-таки зажмурилась. Позорно закрыла глаза ладошками, словно она маленькая девочка. Внутренности скрутились в один тугой ком, толкнувшийся под самое горло. В голове стало пусто и каждая мышца застыла, ожидая сокрушающего удара. О, Хасс! Только бы потерять сознание быстрее, чем придет боль.

Громкий визг и скулеж хлестнули по ушам, но Айла не сразу смогла отцепить от лица собственные руки – они просто не слушались!

А когда сумела это сделать, чуть не уткнулась в ладони обратно: два волка ожесточенно сражались, хватая друг друга за холки. Темно-серый, как дым в сумерках и черный, что чуть не убил ее, теперь яростно грызли друг друга!

Плотный ком шерсти, когтей и клыков катался по земле, а она тихо-тихо отползала в сторону. Плевать на взбесившихся чудовищ! Ей нужно поскорее уносить отсюда ноги!

Дерзкий побег закончился в нескольких футах от дерева. Отшвырнув измочаленного соперника в сторону, серое чудовище одним прыжком перегородило ей дорогу.

– У-у-у, – глубоким басом заворчал волк.

А потом... Потом Айла пожалела, что отродясь не падала в обмороки. Потому что рассудок ее помутился, заменяя реальность галлюцинацией! Тварь поднялась на задние лапы... нет – ноги!

На секунду показалось, что она слышит треск костей и хруст суставов. Передние лапы вспухли, превращаясь в жилистые, огромные руки, грудная клетка раздалась в стороны, обрстая широкими жгутами мышц. И морда... лицо! Это было лицо! По прежнему с клыками и багровыми глазами, но рубленые, прямые черты принадлежали человеку. Или... оборотню? Айла затрясла головой, пытаясь избавиться от наваждения. В висках пульсировала ноющая боль и мозги, казалось, сейчас вытекут через нос и уши... Но мужчина перед ней не собирался пропадать! Высилась рычащей, темной горой, от одного вида которой тряслись поджилки. Айла была высокой, только брат и Кельвин чуть обгоняли ее в росте, но эта громада мускулов была еще выше!

– Кайрон! Какого демона?! – гаркнули с боку.

А она во все глаза смотрела на двух мужиков. Черный волк тоже стал человеком! Искусанным, хромающим, почти таким же большим и... голым!

Не выдержав, она все же уткнулась в перепачканные землей ладони.

***

Во рту плескалась едкая горечь. Хотелось долго-долго протирать глаза и отплеиваться, выхаркивая на землю ощущение тошнотворной мерзости, засевшей под горлом. Сжимая кулаки до хруста костяшек, Кайрон пристально разглядывал сидящего перед ним... мальчишку! Уродливого, с распухшим, толстым носом и мелкими глазками-щелочками! О, Мать Волчица!

Это был не просто удар. Смертельное ранение прямо в сердце! Его парой оказался самец! Хлипкий, некрасивый, пропахший насквозь резким потом множества тел и лекарскими травами. Тошнота стала непереносимой. Мир разваливался на части и плыл перед глазами. Земля ходила ходуном, как будто вот-вот расколется и поглотит его своей жадной пастью. И лучше бы так и было! Пусть бы его предали самой лютой смерти, но не обрекли на такой стыд! На ужасный, немыслимый позор!

Рядом что-то кричал ночной, но оборотень смог только отмахнуться и сделать несколько неловких шагов вперёд. Мальчишка смотрел на него с ужасом, почти таким же сильным, как и отвращение, что Кайрон испытывал сейчас. Прикастаться к самцу было до того тошно, что хотелось взять палку и потыкать в щуплое тело, проверяя его на реальность.

Кайрон еще раз принюхался, но человеческий запах рассказал ему лишь о ранах и страхе мальчишки.

Люди, особенно целители и маги, пахли совсем не так, как оборотни. Слабее и нежнее, даже мужчины. А этот, так вообще... Новый стон родился в груди. Нет, это не может быть правдой! Мать Волчица ошиблась! Оборотни не живут с подобными себе... во всем!

Схватив одной рукой плотную материю балахона, Кайрон дёрнул самца вверх. И тут же сладкий запах омыл растревоженное обоняние. Колени ослабели. Это была не шутка! Не одежда или платок, взятый с тела женщины – сам мальчишка пах его парой. Он и был его парой!

– Нет... – хрип опалил горло. Кайрон опять зарычал, и помотал головой, – Нет!

Крикнул так, что мальчишка зажмурил свои щелочки-глаза. До чего же мерзкая морда! А губы, словно в насмешку, пухлые и сочные. Прекрасней чем у всех самок, что он встречал!

От ласкового ворчания зверя волосы зашевелились от ужаса. Томная слабость и резкое отрицание своего влечения рвали сознание на части. Он не мог ставить метку самцу! Просто...

– Нет! – крикнул в лицо жмурившемуся мальчишке.

– Кайрон?

На плечо легла широкая ладонь. И его окутало очень знакомым запахом. Эйнар, младший сын альфы, увидел их и тоже подошел.

– Что случилось?

Голос молодого мужчины звучал обеспокоенно. Оборотень с шумом втянул воздух и внимательно посмотрел на притихшего целителя.

– Кто это? – продолжил Эйнар, – И зачем ты пощадил его?

Его! Полный муки стон вырвался из горла. Значит, глаза не подводят и это действительно мальчишка! Что же делать?! Совершенно безумным взглядом он осмотрелся вокруг. И, как на зло, видел только трупы и мечи – ответ на свой вопрос. Убить.

В голове взорвался колющий шар паники, жгучей радости и ужаса. Убить?! Да! Да! И нет, ни за что! Опять в нем сцепились инстинкты и разум, раздирая и растаскивая рассудок на части.

– Мне... – губы не слушались, – мне надо... забрать его.

Громкий многоголосый вой перекрыл его последние слова. И если бы не пересохшее горло, завыл бы вместе со всеми.

– Давен, – проскрежетал Эйнар, – Брат!

Зарывав от боли, огромный светло-серый волк бросился в сторону, исчезая среди деревьев. Предводитель Сумеречных был убит.

Глава 4

Кайрон был готов провалиться сквозь землю от стыда и ярости. Стоя перед альфой и главной шаманкой, он с трудом заставлял себя держать спину прямо и не опускать голову.

В глазах вожака плескалась боль, но Арвид согласился выслушать своего первого бету, понимая, что столь щекотливый вопрос надо решить сейчас. Беловолосая и сероглазая Гвен по-прежнему выглядела невозмутимо. Время давно забрало у нее способность удивляться, оставив взамен спокойствие и мудрость.

– Твой волк ошибается, – после долгого молчания произнес альфа.

Всем сердцем Кайрон желал правды этих слов! А еще навсегда забыть то унижение, которое пришлось испытать, объясняя своим братьям, зачем он хочет притащить в поселение полухлопотливого от страха и шока человечка. Всю правду не сказал, хитрил и изворачивался, как слизняк. И чувствовал себя так же. Но перед вожаком раскрыл унижительную тайну, чувствуя, как предательски начинают гореть скулы и шея.

– Мать Волчица никогда не ошибается, – между тем возразила шаманка.

Темные глаза вожака сверкнули багровым светом.

– Пустить сюда... человека?!

Ненависть горьким ядом отправляла каждое слово. Сейчас, как никогда альфа Сумеречных был близок к тому, чтобы нарушить закон невмешательства и разорить ближайшую деревню, вырезать там всех, кто способен держать оружие, а потом повторить это со следующей деревней... и следующей... Чтобы Император кровью заплатил за жизнь Давена – старшего сына альфы, убитого каким-то рыжим лекарем: два тела нашли на дне лесного оврага.

Кайрон все же склонил голову. Это была ужасная потеря для Сумеречных. Давен должен был стать новым альфой, но теперь все поселение крепит над входными дверями можжевельниковые ветви – знак скорби и траура. И Руна – жена альфы и мать погибшего, едва узнает близких – разум бедной волчицы помутился от горя.

– Мальчишка или нет – закон один. Пара – это дар.

Рот наполнился кровью из прокушенной клыками губы. Дар?! Да это проклятье! Смердящее, отвратительное, хлипкое! Источающее ужас и ненависть. Неприятие собственной парности было настолько велико, что даже желание поставить метку притупилось. Волк сходил с ума от запаха самца, возбуждение терзало тело, но рассудок взбунтовался, отказываясь покоряться животным инстинктам.

– Этот дар посеет недовольство среди нашего народа! – зарычал вождь. – Волк может ошибаться, случаи бывали!

Да, и лишь это знание поддерживало в нем силу духа. Кайрон цеплялся за него отчаянно и крепко. Все два раза, известные шаманкам, случились не в их клане, но ведь они были! Оборотней подводил нюх. Что-то происходило с обонянием. И все же там были женщины, а у него... Кайрон тихонько зарычал.

– Кайрон не ошибся, – продолжала тянуть свое Гвен.

– Я ошибся!

Серые глаза шаманки остались безучастны. Она – иссушенная годами, темная, как мумия, с белоснежной копной волос – думала о чем-то своем, перебирая костяные бляшки оберегов и бус. Вождь устало провел пятерней по лицу. Ему не хотелось сейчас сидеть тут, в пустом зале собственного дома. И легкий плащ из меха ширшола, казалось, лежал на плечах неподъемной тяжестью. Арвид сейчас ушел бы к своей жене и сыну. Вместе легче принять утрату.

– Ты оставишь мальчишку под своим кровом, – решил вождь. – Семь дней даю тебе, чтобы разобраться. Если к концу срока метки не будет – человек умрет.

Волк внутри взбунтовался, злобно ощеривая клыки. Но Кайрон тихо выдохнул.

– Я согласен.

Гвен молчала. Она тоже хотела уйти. Обратно к своим инструментам и теплым кускам дерева. За берегами старой волчицы прибегали даже недоверчивые Снежные.

– Семь дней, – ещё раз повторил вожак. – Я отдам приказ о неприкосновенности человека, но большего от меня не жди. И с Нельгой, когда она узнает, разберёшься сам.

***

Из забытья ее выдернула болезненная встряска. Варвар сжал плечо так, что нашлось сил даже на слабый стон.

– Вставай! – рывкнули над головой.

Она бы и рада, но ноги не держат. Скрученную, словно окорок, оборотень волок ее на своем загривке без отдыха. Внутренности смешались в ноющую кашу, а голова звенела от постоянной тряски и рычания. Этот... Кайрон – вроде бы так звали варвара – злился, когда его ноша теряла сознание и съезжала на бок.

– Гр-р-р!

Ещё сутки назад Айла бы от страха залезла на верхушку самой высокой сосны в этом лесу, но сейчас лишь вяло прислушивалась к ругани, что потоком нечистот лилась на нее и людей вообще. Ни страха, ни удивления, ни радости от того, что она пока жива и, очевидно, успешно остаётся для всех мужчиной. Дорога в поселение оборотней вытрясла из нее все, в том числе и смущение, когда приходилось видеть абсолютно голых мужчин. А ещё страх, что они могут с ней сделать, узнав, что она женщина.

– Глупый щенок!

Клацнули волчьи клыки. Айла тихонько вздохнула и снова прикрыла глаза. Пусть добивает. Только быстрее, а у нее будет повод обмочиться напоследок – в туалет хотелось жутко.

Но оборотень не был к ней милосерден. Ещё раз обозвав ее «хирсовым сыном» и «вонючим отродьем», варвар просто взвалил ее на плечо и понес. Айла болталась на мужчине безвольной тряпкой. Каждый шаг разбегался по телу волной тошноты, но в желудке не осталось даже желчи.

Дорога слилась в одну череду толчков, рывков и ругательств. Первые дома, которые она увидела спустя, как показалось, вечность, были словно явление Богов народу. А злое рычание, донесшееся сквозь шум в ушах, вызвало кратковременную эйфорию – может, добьют? Вокруг толпились люди. Женщины и мужчины. Мутный взгляд выхватил лишь то, что все носят одежды из шкур и у каждого второго опушка на сапогах из ширшола – поселение варваров было богаче столицы.

Тем временем Кайрон вдруг остановился и сбросил ее на землю.

– Не пойдешь своими ногами – отгрызу ступни.

– Грызи, – прохрипела с закрытыми глазами. – И про горло не забудь.

Это был первый их диалог. Всю дорогу обозленный мужчина швырнул ей лишь жалкую горсть человеческих слов и полное ведро брани. Айла молчала и глубоко внутри жалела, что их языки схожи, и она может понимать все, что рычит ей Кайрон.

– Ты жалок, – заключил варвар.

Если бы ее слушались губы и горло не першило после холодной ночевки прямо на земле, то Айла горько расхохоталась. Она бы посмотрела на оборотня, если бы ему пришлось пережить пусть половину того, через что прошла она!

За шкуру ее отволокли под кров какой-то полуземлянки. Вросшие в землю стены, покатая крыша вся зеленая от травы и мха. Ну да, где же еще жить варварам! Лишь в норах, так похожих на склеп.

Только вот внутри не оказалось ни камня, ни сырости с плесенью. Айла тихонько охнула. Если бы добавить пару окон к тем, что уже были, она бы решила, что попала в комнату, может

не аристократа, но зажиточного купца! Варвары знают о стекле? И эта резная мебель вместо грубо сколоченных колченогих обрубков. А камин, выложенный камнем так искусно, что оставалось завидовать мастерству рук, соорудивших это чудо. И пол – не земляной, а деревянный, тщательно выскобленный песком, и свежий, словно его положили пару дней назад. Ко всему прочему в комнате лежал круглый ковер, сшитый из разноцветных лоскутов шкур, и украшенный переплетением кожаных ремешков и беличьих хвостиков по канве.

Кайрон заботливо обогнул дорогое чудо, и проволоком ее безвольную тушку к одной из дверей.

– Это твоя комната.

Ее забросили в небольшую каморку. Окошко под самым потолком, голые стены, шкур под ногами нет, но все это мелочи! Главное – тут имелась узкая, но все-таки кровать! Прорывав еще одно ругательство, оборотень захлопнул дверь. Лязгнул замок, и слышались удаляющиеся шаги. Ну и плевать! Кое-как Айла приподнялась на руках. Мочевой пузырь прострелило болью. Столько терпеть – это нехорошо. А сходить в кусты, когда вокруг куча голых огромных мужиков – нет, она, скорее, лопнет.

Айла внимательно огляделась. На ее счастье в комнате нашелся горшок. Точнее, кувшин. Но когда коленки трясутся от слабости и нетерпения – это неважно. Сделав грязные делишки, она спрятала его в укромный уголок и поковыляла к кровати. Грязная, оборванная и больная, завалилась на шкуры и закрыла глаза.

Магический резерв был пуст из-за общего истощения и стресса. Ей требовался полноценный отдых, чтобы потом хоть немного вылечить себя. Такова уж особенность магии. Боевые заклятья опасны больше для окружающих, чем для заклинателя, а целители тратили вдвое больше сил на самоизлечение.

Свернувшись калачиком на шкурах, Айла задремала.

Глава 5

Из своего дома Кайрон просто вылетел.

Сил не было находиться рядом с мелким, полуживым самцом. Звериные инстинкты орали во все горло, приказывая вернуться обратно, бережно освободить худошавое тело от грязного, пропитанного потом и кровью балахона, а потом прижать к груди, чтобы на руках принести к горячим источникам. Выкупать в ароматных теплых водах, ладонями очертить узкие плечи, плоскую грудь, скользнуть между разведенных ног и сжать...

Кайрон застонал от ужаса и отвращения к самому себе. Он не мог! От одной мысли, что однажды придется спариваться с самцом, становилось плохо до помутнения рассудка! Выворачивало так, что перед глазами плясали темные пятна.

– Кайрон!

Нежный голосок выдернул его из плена кошмарных фантазий.

– Нельга.

Как никогда он был рад видеть свою любовницу. Роскошную страстную волчицу, с которой уже больше года бегал под полной луной. Как только девушка прибыла к ним из клана Бурых во время очередного обмена женщинами, то сразу обратила взор своих янтарных глаз на него. Юной красавице не понадобилось много времени, чтобы обосноваться в постели первого беты Сумеречных.

– Что за дрянью ты пахнешь? – сморщила курносый носик волчица. – Весь клан скорбит о Давене, а в твоём доме таится человек? Каждый из нас ждет объяснений!

Впервые за все время их знакомства зверь угрожающе рыкнул, неожиданно сильно разозленный наглыми словами самки. Да кто она такая, чтобы перед ней оправдываться?!

– Поэтому послали тебя, чтобы выведать больше? Как смело.

В янтарных глазах блеснула растерянность, но девушка упрямо вздернула подбородок. Она не боялась его гнева. Ни один оборотень, чтящий заветы Матери Волчицы, не тронет самку, если та не угрожает его жизни и здоровью. Применять силу к женщине или ребёнку – недопустимо!

– Зачем тебе человечешка? – из-под розовых губ показались кончики белоснежных клыков. У Нельги был красивый рот, но не такой чувственный и сочный, как у мальчишки... Яд брезгливости и похоти ускорил бег измученного сердца.

– На нём запах моей пары.

Нельга отшатнулась. О да, она хорошо знала, что оборотень, который нашел свою половину, всегда предпочтёт её другим. Пара – это дар и проклятье. Звериная абсолютная тяга. Тихое помешательство, в котором тонешь с радостью и желанием. Сопrotивляться бесполезно. Зверь или возьмёт свое, или сведет с ума.

– Запах пары?!

Кайрон мысленно застонал. Сказать правду? Да ни за что! Это было хуже, чем ... чем все! Да если бы он потерпел сокрушительное поражение на ложе с самой желанной духу и телу волчицей, и то не испытывал бы такого стыда.

– Да. Одежда и...

– Так человек виделся с ней!

Перед Нельгой не нужно было хитрить. Она всегда любила домыслить и сначала делала и говорила, а уж потом думала.

– Твой волк ошибается! – тем временем воскликнула девушка. Бусы из кристаллов горного хрусталя сердито звякнули – его подарок, так же как и теплая накидка из меха ширшола, и браслеты из сердолика – цвет ее медных волос – она любила этот камень.

Кайрон покачал головой. Он тоже хотел верить в ошибку волка.

- Надеюсь, это так, и через семь дней человек умрет. Он не нужен здесь.
- Зверь ошибается, – настойчиво повторила волчица, – и я докажу это!

Так дерзко схватить себя за руку и требовать внимания он позволял лишь ей. Волк угрожающе зарычал, но это не испугало Нельгу. Янтарные глаза потемнели и были полны решимости. А запах горного ручья и сочной камнеломки наливался и становился плотнее. Волчица собиралась доказывать его ошибку стоя на коленях и с широко раздвинутыми ногами.

Зверь внутри был недоволен. Воем приказывал отпихнуть девушку в сторону и бежать к жалкому хирсову выкормышу. Мальчишке было плохо! Он чувствовал его болезненную дрожь и видел тихую муку в полуприкрытых глазах. Но все же без жалости запер в самой дальней и мелкой комнате. И даже не оставил воды... Громадным усилием воли Кайрон подавил собственные извращенные желания предпочесть самке самца. Он проведет эти часы с Нельгой! И только с ней! А самец получит свою еду утром.

Волчица призывно улыбнулась, но сил на ответ не нашлось. Кайрон просто молча пошел за ней.

***

– Я же говорила, – довольно урчала волчица, развалившись на его обнаженной груди. Тонкие пальчики выписывали на мокрой от пота коже плавные узоры. А изящные плечи и грудка все еще судорожно вздымались. За это он тоже тяготел к Нельге. Женщины клана Бурых были гибче и стройнее. Совсем как...

Порывистым движением Кайрон сел на разворочанной кровати. Волчица недовольно зарычала, вскакивая вместе с ним.

– Ты останешься тут!

А вот теперь рычал он.

– Будешь мне указывать?

– Но Кайрон! – плавным движением Нельга перетекла с кровати на пол, устраиваясь в его ногах. Крупные медовые локоны рассыпаны по плечам и спине, в янтарных глазах дрожало пламя. Она хорошо знала, как нравится ему смотреть на волчиц сверху вниз, в то время когда нежный рот дарил особо любимую им ласку.

Острый, как лезвие, перед внутренним взором мелькнул образ других – чувственных и сочных – губ на его члене. И возбуждение от вида ластящейся к нему волчицы пропало быстрее дыма на ветру.

– Не смей мне указывать, – по слогам повторил он, сбрасывая ладошки, что гладили его бедра. Да, он лег с Нельгой, но наскреб сил только на два раза! А раньше мог довести женщину до полного изнеможения и сорванного от стонов горла. Однажды они провели несколько суток в постели, прерываясь лишь на еду и сон.

– Приходи ко мне завтра, – она вскочила на ноги и призывно огладила свои прелести, не собираясь сдаваться просто так. Тонкая шея, упругая грудь и покатые бедра, между которых прятались нежные лепестки, – я ведь была права!

И она чуть расставила ножки, позволяя блеску огня отразиться на коже во влажных следах его семени и ее сока.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Кайрон. Волчица даже не догадывалась, чего стоило заставлять себя двигаться в нежном горячем лоне и не представлять другую... Другого!

Кайрон почти вскочил на ноги и сгреб разбросанную в пылу страсти одежду. Теперь ему нужна охота!

Он устроит забег по лесу и выследит дичь покрупнее. Сам! Изматает зверя и себя, чтобы окончательно выбить все дурные мысли из головы.

***

Глаза не хотели открываться. Язык прилип к небу, а в горло словно плеснули раскаленного свинца. Ещё мутным от больного сна сознанием она попыталась измерить накопленные

силы – едва ли половина! Впрочем, должно хватить. Руку удалось наложить правильно с первого раза. О, какое достижение! Один палец в яремную впадинку, три – на кадык, большой – на лимфоузел. Айла тихонько выдохнула и перенаправила целительскую силу в созданное для нее русло. Неохотно боль отступила, но не до конца – резерв иссяк быстрее. Сами Боги прокляли это место! Ее силы уходили, как вода в песок.

Стараясь не шипеть от ноющей боли в каждой мышце, Айла села... чтобы тут же с криком пропечатать стенку за собой спиной. Позвонки пересчитали бревна, но она прижималась лишь сильнее.

Напротив сидел волк. Тусклый свет, льющийся из центральной комнаты, делал лохматое чудовище ещё страшнее и больше.

Айла смотрела то на зверя, то на выход. Сон вернул не только магические силы, но и охоту жить. Если кинуть в него подушкой, а потом попытаться проскочить...

– Ох!

Волк медленно встал на задние лапы и через несколько ударов сердца перед ней стоял мужчина. Естественно, голый. Взгляд ткнулся в пол, но все равно она видела перед собой огромные руки, лениво скрещенные на груди, ноги, крепко упирающиеся в пол, а то, что было между ними... Айла даже затрясла головой. Но почему-то снова коротко взглянула на мужчину.

Варвар некоторое время молча разглядывал ее. Она чувствовала жалящий презрением взгляд. Демонстративно оборотень повернул голову в ту сторону, где стоял кувшин с неприятным содержимым и оскалился.

– Ты жалок.

Опять заладил! Конечно, ему хорошо! Сильный, здоровый и наверняка не голодный. Весь такой чистый и не знающий, что значит не мыться по несколько недель. Да ее саму от себя тошнило!

– Тогда зачем я тебе? Трофей получше не нашел?

Кроме высокого роста ее подводил и язык. Привычка отбивать шутки и дразнилки сестер сейчас была смертельно опасна. А с другой стороны – куда хуже? В сотнях миль от дома, одетая мужчиной и едва живая...

– Я мог бы свернуть тебе шею двумя пальцами, – отмахнулся от ее выпада варвар, – или убить одним укусом.

Гнев клокотал в горле, готовый стать колкими словами, но, стоило посмотреть в багровые глаза, вся ее бравада сдулась, как рыбий пузырь. Его ненавистью и отвращением можно было захлебнуться.

– У меня нет оружия, – тихо произнесла она, – убить меня нетрудно.

Угрожающий рык заострил грубые черты лица. Крылья прямого носа раздулись, а широкие дуги бровей ещё больше сдвинулись к переносице.

– Обнажив меч на чужой земле, будь готов ответить, даже если потерял его! Оборотни не звали людей в свои земли!

И опять между ними воцарилась тишина. Густая и липкая, как болотная жижа. Айла смолчала, ей нечего было возразить – победитель прав. Сейчас лучше подумать о побеге. Варвар разглядывал ее, а она пыталась не смотреть на него. Но куда бы ни бежал взгляд, все равно он наткался на большую фигуру оборотня.

– Твое имя?

Неожиданно громкий и резкий голос застал ее врасплох.

– Ай... Вилл!

– Сейчас ты уберешь за собой, а потом пойдешь со мной, Айвилл, – проглотил ее оговорку варвар, – и не вздумай пытаться бежать. Иначе твое воссоединение с предками будет мучительно долгим.

Глава 6

Айла и не думала бежать. Как можно без оружия, полубольной, да ещё и ночью успешно скрыться от волка, который следует буквально по пятам? Но когда она увидела, куда привел ее варвар...

– А-а-а... – попятилась назад. – Ох! – бросилась вперёд, почувствовав, что за ней уже не волк, а крепкая мужская грудь.

– Мойся. От тебя воняет.

Это было бы обидно, если бы ее не трясло от ужаса. За спиной стоял оборотень, большой, злющий мужик, которому она с трудом доставала до носа. Вдоль позвоночника протянуло ознобом. Айла даже представить боялась, во сколько раз он сильнее, и что может сделать, если захочет.

– Я... я... я один... Не смотри!

Проблеяла она, бочком отодвигаясь в сторону. В ночной тьме сверкнули багровые искры.

– Ты больной на голову? Я сказал – в воду! Живо!

– Нет...

И даже чесотка по всему телу не заставит ее снять отвратительный, замызганный балахон, и тем более лезть в незнакомое озеро.

– Если не снимешь свои тряпки, будешь мыться в них! – рыкнул оборотень. Пискнуть о своем несогласии Айла не успела. Схватив за плечи, варвар просто швырнул ее в воду.

Обжигающий холод вышиб дыхание, а под ногами разошлась бездна – никакой твердой опоры, и намокшая ткань балахона потянула вниз.

Молотя руками и ногами, Айла рванулась на поверхность. Животная, отчаянная жажда жить толкала тело вверх, сквозь лютый ужас и холод – она не умеет плавать! Совсем не умеет! А воздуха в лёгких все меньше и меньше. И непонятно, куда двигаться в этой бесконечной ледяной темноте. Одним движением оборотень отправил ее в самый худший, глубоко въевшийся в кровь, кошмар.

Казалось, что прошла вечность, что лёгкие сейчас лопнут, и сердце заодно с ними. Как слепой котенок, она бестолково месила воду, пыталась выбраться, отчаянно хотела молить хоть о самой маленькой помощи, но изо рта выплывали пузыри бесценного воздуха. И когда уже казалось, что вот-вот, ещё немного – и сознание потухнет, позволяя воде утащить свою жертву, пальцы зацепились за что-то твердое.

Она вылезла на берег на четвереньках, как животное. Надсадный кашель душил. Из носа и рта лилась вода, тело сотрясало дрожью и в ушах стоял грохот взбесившегося сердца и шум борьбы за глоток воздуха. Голову вело, и перед глазами плясали колючие звёзды, а зубы выбивали чечётку. Не от холода, что ледяными пальцами царапал все тело, и не от слабости, выгрызающей каждую мышцу, а от липкого, оставшегося с раннего детства страха: однажды маленькая Айла чуть не утонула, и с тех пор очень боялась глубины. До трясучки. До бесконтрольной истерики и удушливой паники.

Горечь от обиды и ужаса хлынула из глаз позорной влагой. Зарываясь пальцами в песок и громко всхлипывая, Айла упала на берег.

Она оплакивала свой страх за брата, так несправедливо выбранного в угоду амбиций властного ублюдка, обиду на Кельвина, который не захотел понять и помочь, а предпочел откупиться помолвочным кольцом, собственную слабость и никчемность, ужас боя, который обернулся бойней, шок от встречи с оборотнями, а еще Стефана. Он до сих пор там, в том овраге... Его не предали земле, а бросили, как падаль. На волю диких зверей и птиц. Того, кто меньше всего этого заслуживал!

Айла давилась рыданиями, пряча лицо в ледяных трясущихся ладонях, и ей было плевать, насколько жалко она выглядит. На все было плевать.

***

От рваных всхлипов и вздохов он и сам был готов скулить. Броситься к промокшей, потрёпанной фигурке и одним рывком избавить от грязных тряпок. Но Кайрон застыл на месте, стискивая кулаки до хруста костей, и не двигался. Ноги просто вросли в землю!

По спине и лицу катился горячий пот. Волна тошнотворной слабости превратила кости в мягкую глину, когда он понял, что целитель не умеет плавать. Умирая от желания нырнуть в воду, Кайрон не мог сдвинуться с места. Его опять тянуло в разные стороны от двух одинаково злых и сильных желаний. Острым мечом душу разделило на две половины. Убить и спасти, ненавидеть и любить, отказаться и принять.

Изошреннее и хуже муки нельзя было и представить! Не прошло и трёх суток, а Кайрон был согласен собственноручно отволочь мальчишку к реке и дать хорошего пинка. Пусть убивается! Только бы вместе с хлипкой фигурой пропало это дикое, неправильное влечение! Эта непреходящая головная боль. Эти полные, сочные губы, которые уже стали его наваждением...

Крохотный рывок на помощь Кайрон просто заставил себя вычеркнуть из памяти. Волк бесился, требуя подчиниться инстинктам. Взять то, что указано самой природой, а разум отторгал это желание. Кричал о том, что это ошибка, недоразумение, которое нужно исправить. Избавиться от него и забыть, как страшный сон. Он готовился быть с Нельгой! С волчицей, которая должна войти под его кров и родить щенков! Но когда он уже не мог сопротивляться сам себе, и готов был сдаться зверю, Айвилл все же выполз на берег.

Мальчишка уже не всхлипывал. Дрожал только так сильно, что, казалось, слышен стук тонких косточек. Сипло кашлял и шмыгал носом. А запах меда и лесных ягод отравой пропитывал воздух вокруг них. Мешался с горечью бессильных слез и вонью давно не мытого тела. Весь его дом теперь пах этим мелким самцом! Невозможно спать, невозможно есть и вообще находиться там невозможно! Его выжили из собственного логова!

Ярость вспыхнула быстрее сухой травы в костре, диким хмелем ударила в голову и выплеснулась в ночную тьму громким рыком и скрежетом клыков. От испепеляющей жажды свернуть тощенькую шейку, кровь превратилась в огненный пар, что багровым туманом клубился перед глазами, выжигал дотла сопротивление дурного зверя, толкал сделать то, что было проще всего. Только один шаг! И крохотное усилие, избавляющее его от позора и муки. Зверь ошибается. И смерть мальчишки будет легкой...

Громко застонав, Кайрон кинулся вбок. Спасаясь, словно от лесного пожара, бросился в темные воды ледяного озера. Холодом и резкими рывками боролся против самого себя, нырял в стылую бездну, задерживал дыхание до боли в груди, рвался на поверхность за острым глотком воздуха, и снова нырял, безуспешно пытаясь остудить голову и найти среди тьмы и хаоса утерянный навсегда покой. Почему эту хилую тварь не убили на несколько минут раньше? За что Мать Волчица провела его так близко, что среди крови и боли он смог уловить этот проклятый аромат истинной? Истинного!

На берег Кайрон выбрался едва ли в лучшем состоянии, чем мальчишка. От усталости шатало, словно он перепил сока забродивших ягод, и тело было деревянным от холода.

Айвилл лежал на земле. Все еще мелко дрожал и глаза были закрыты.

– Идем обратно, – прохрипел Кайрон.

Самец с трудом поднялся на ноги. Темные волосы липли к одутловатому лицу, губы сжаты в одну плотную линию. Несколько шагов, и слабые ноги подломились.

– Вставай, – зарычал оборотень, теряя терпение.

Кое-как мальчишка снова встал. Оступаясь и падая, побрел вперед. Тусклый месяц убывающей луны следовал за ними попятам. Вокруг царила тишина, в небе мерцали крупные звезды, но теперь Кайрону было не до любований ночным лесом. Сгорбленная фигура в мок-

ром балахоне отравляла все вокруг своим уродством. Ненужное, грязное пятно в их землях и его жизни. Рычанием и ругательствами оборотень гнал его обратно. И, видит Мать Волчица, узкая спина и сутулые плечи внушали ему больший ужас, чем сотня самых сильных и злых человеческих воинов.

Глава 7

Остаток ночи Кайрон провел у Нельги. Янтарные глаза волчицы сверкали торжеством, несмотря на то, что в этот раз он отверг ее ласки. Они просто лежали у огня на шкурах. Кайрон любовался отблеском пламени в медовых локонах, неторопливо пропускал их сквозь пальцы и упрямо пытался убедить себя, что чистый запах горного ручья и сочной камнеломки куда приятней, чем вонь размякшей мешковины и грязного тела.

Но настырное, как весенний гнус, понимание, что даже такой запах не вызывает у него отторжения, никак не желало исчезать. Как и чувство необъяснимой, неведь откуда взявшейся тревоги.

Внезапные слезы Айвилла злой солью ели мысли. Тревожили, заставляя по несколько раз перебирать каждое воспоминание о хилом самце. Смутное, совершенно непонятное ощущение серой мышью шмыгнуло под сердце и свило там гнездо. Он впервые видел мужские слезы, которые почему-то не казались ему мужскими.

Айвилл плакал как... женщина? Кайрон хмуро сдвигал брови, упрекая себя в излишней мнительности и одновременно страхась мысли, что рассудок уже начал видеть в самце самку. Сначала губы, затем слезы, а потом что? Начнет искать у него грудь? Да мальчишка плоский, как доска! Или нет? Кайрон что-то не мог припомнить форм его тела. Люди носили кучу ненужных тряпок. Их шкуры были слишком нежны для снежного и холодного Айсвинда.

Нельга сонно заворчала, когда он перенес ее на кровать. Не открывая глаз, обняла за шею и наградила требовательным поцелуем.

– Ты только мой, – прошептала в губы, – никому не отдам!

В былое время Кайрон отблагодарил бы волчицу жаркой лаской и сам бы заверил, что не желает уходить. Но, как и большинство, медлил с браком. В этот год должно было созреть много девушек и юношей, являя ждущим оборотням свой неповторимый аромат. Если Мать Волчица будет благосклонна, то на исходе лета завяжется несколько пар.

Но уже в прошлый год Нельга недовольно кривила губы, когда они посетили общий сбор кланов. Ревниво принималась к каждой новой самке и висла на руке, всем видом демонстрируя, что мужчина не свободен. Юные волчицы пугливо смотрели себе под ноги. Признаться, он и сам рычал на молодых самцов. Но они так и не встретили своих пар. Тогда Кайрон не испытывал сожаления. А вот сейчас его разрывало на части.

Укрыв задремавшую волчицу покрывалом, он решительно направился к своему логову.

Осталось пять дней. Их надо было просто пережить. А потом еще краткое мгновение, когда хруст шейных позвонков возвестит о кончине его испытаний. Волк в бешенстве противился подобным мыслям, но Кайрон не собирался ему уступать. Все это большая ошибка – так твердил он себе, пока тропа вела его к дому. Соплеменники, что встречались ему на пути, первыми склоняли головы, признавая бету, но в их глазах мелькала злость. Приютил врага! Нарушил обеты и притащил человека в поселение, оскверняя его присутствием эту землю. Убийца и захватчик достоин лишь смерти!

Все внутри возмущалось этому решению, но Кайрон упрямо заставлял себя думать о том, что ещё несколько дней, и его мучениям придет конец.

Небольшой холм остался за спиной, и впереди показалось логово. У дверей которого, скрестив руки на развитой груди и опираясь на стену, стоял взъерошенный Эйнар.

Как получилось сдержать зверя, Кайрон не знал. Взыв дурным голосом от страха и ярости, волк рванул на свободу. Эйнар убил его пару! Загрыз, потакая собственной мести! Разорвал тщедушное тельце на куски, без жалости стирая аромат дикого меда и ягод густой кровью, горькой от ужаса и предсмертных мук. Мужчина стиснул зубы, заставляя себя идти медленно.

Разве не на это он тайно надеялся, оставляя мальчишку всего лишь под охраной старого засова? Игнорируя протест волка, уходил, допуская возможность, что вернётся, а человека уже нет?

Но логово первого беты Стаи – это почти логово вожака. И приказ альфы – не просто тяфканье на ветер. Соплеменники злились, но обходили его дом стороной. И все же Эйнар – не последний волк. Возможно, будущий вожак. А ещё его добрый товарищ, пусть и гораздо младше его.

– Твой дом пропах человеком!

В рычании молодого мужчины плескалась боль, она же тусклой дымкой застилала серые глаза и бледностью растекалась по щекам. Потеря брата – слишком глубокая рана.

– Это тревожит не только тебя.

Эйнар смотрел пристально и тяжело. Ноздри крупного носа раздувались, и на высоких скулах играли желваки – он хотел избавиться от самца не меньше, чем сам Кайрон.

– Почему он здесь? – выдавил из себя Эйнар. – Я молчал, позволив притащить его сюда, но лишь потому, что верил тебе как бете и просто близкому по духу. И теперь хочу слышать правду!

И опять позорный жар окутал шею и лизнул огненным языком скулы. Сколько ещё нужно унижений, чтобы Мать Волчица забрала свой «дар»?

– Я не могу понять, чем заслужил это, – прорычал, с тоской оглядывая толстые стволы сосен, между которых прятались их дома, – за что Мать Волчица зла и наградила меня такой... парой.

Серые глаза Эйнара потемнели.

– Зверь ошибся, – немедленно отозвался он.

Кайрон только устало вздохнул. Сколько раз уже звучали эти слова? Разум и окружающие твердили их без конца!

– Я тоже хочу в это верить.

Эйнар все ещё хмурился, но теперь за мрачностью его лица таилась растерянность, а не злость. Такая ситуация! Молодой волк был куда эмоциональнее, но и отходчивее погибшего Давена. Тот бы терпеливо выждал положенного срока, а потом сам же убил мальчишку. И очень медленно.

– По-другому и быть не может, – уже без бывшего запала произнес мужчина, – я же видел. Это точно... хм, он?

Последнее слово звучало совсем тихо и даже как-то вопросительно. Эйнар смутился. Сколь бы не была велика его скорбь, но молодой мужчина не мог скрыть неловкого изумления и сочувствия. Среди оборотней не существовало подобных пар. Вообще никогда. Такая особенность – влечение только между самкой и самцом, но никак не по-другому.

– Отец был прав, – после некоторого молчания признал Эйнар, – тебе надо разобраться. Но долго терпеть окружающие не станут.

Хлопнув его по плечу, он поспешил уйти. Кайрон молча проводил взглядом широкую спину. Скупая поддержка товарища мягким бальзамом легла на развороченную тяжёлыми мыслями душу. Эйнар не отвернулся от него! Не поднял на смех и не утопил в презрении. Кайрон наверняка мог сказать, что его тайна останется тайной и после того, как все закончится. Эйнар ни взглядом, ни делом не покажет, что за разговор состоялся между ними однажды.

Дом встретил звуками глухого кашля и резким запахом пота. Не хотелось даже подходить к запертой двери, но если он не принесет еды и воды, самец просто издохнет.

Под жалобное подвывание волка пришлось заглянуть в кладовую. Пищи там было немного. Вяленое мясо и кувшин с водой – вот и все, что он решил взять. Но от желания сорваться с места и найти самого жирного и упитанного ширшола свербели зубы. Самочка должна видеть, что он хороший охотник... Кайрон сжал пальцы так, что край деревянной

тарелки хрустнул. Самец. Айвилл – мужчина, а не женщина! Мужчина, который пришел сюда убивать. Который хотел разорить их земли, выжечь леса, испоганить реки и озера, который... Зарылся в шкуры с головой, а на виду только маленькая ножка. Узкая, изящная лодыжка. Тоненькие змейки вен под бледной, как снег, кожей. И нет волос. Все от кончиков тонких пальцев и до щиколотки было чистым от растительности.

Неприятный запах совсем перестал дергать обоняние. Кайрон застыл на пороге, не в силах оторвать взгляд от мягкой красоты. Томная волна желания пробежалась по телу, толчками подгоняя кровь к паху, штаны стали тесными. Короткие, остро-сладкие вспышки боли пронзили моментально отвердевший член. Такая нежная кожа... И мягкая, должно быть. Ее нужно потрогать! Просто... просто убедиться, что ему кажется, что это все мираж, ведь у мужчин не может быть такой крохотной ступни.

Сам себя не помня, он шагнул вперед. Потом ещё и ещё. Скруток шкур перед ним не двигался. Кайрон слышал неровное, сиплое дыхание, чувствовал пот заболевшего тела, но все как-то фоном. Главное – эта ножка! Маленькая, мягонькая, нежная...

Палец осторожно коснулся кожи. Гладкая! Пах занял невыносимо и вместе с ним зубы от горячего желания оставить на белоснежной коже розовые отпечатки. Прижаться губами к ароматному местечку между шеей и плечом, вгоняя клыки на всю длину. Рот наполнился слюной, урчание и нежный зов волка оглушал, жар струился под кожей, одурманивая и подчиняя. Как горная лавина сметал на пути все ограничения, все предрассудки, убеждения и правила. Звал повести ладонью выше, приласкать стройные ножки, обнажить нежные, хрупкие бедра, а потом рывком раздвинуть их в стороны и...

– На мальчиков потянуло? – прохрипел насмешливый голос.

Глава 8

Варвара как ветром сдуло. Чуть стенку не проломил. Дверь лязгнула так, что хрустнули доски. Айла быстро спрятала ногу под шкуру и надсадно закашлялась. Лихорадка холодила кровь, расцветая внутри ядовитым сорняком. Купание в озере вымыло из опустевшего резерва все силы, отдавая девушку на растерзание болезни. «Больной целитель – мертвый целитель» – тихонько прозвучал в ушах голос Вилла.

Расплакаться бы, но слезы превратились в льдинки. Ей было так холодно... И страх тоже замерз. После ночного кошмара, то есть купания, варвар опять запер ее в тесной клетушке.

Понимая, что в мокрой одежде она точно умрет, Айла все же рискнула раздеться. Стащила с себя размякшие тряпки, оставив только штаны и тонкую рубаху, и чуть не поплатилась за свою смелость. Оборотно какого-то демона вздумалось ее облапать!

Всплеск неожиданного смущения заставил еще плотнее закутаться в тонкую колючую шкуру. Тело было холодным и задубевшим, словно кусок льда, но лодыжка горела огнем. Ощущение прикосновения мужских пальцев не желало исчезать! Сначала, Айле показалось, что она бредит, что стук засова – всего лишь тихий шепот болезни, обещающей муки долгой горячки и медленного угасания. Слабость вязала по рукам и ногам ледяными цепями, колючей удавкой стягивала горло. Ей больше не нужно пить изменяющего голос зелья, его наполняла острыми хрипами болезнь.

И первое осторожное касание Айла пропустила. Просто лодыжку вдруг окутало теплом, приятным и необходимым. А потом... Потом она поняла что мягкие поглаживания и тихое урчание не плод воспаленного воображения. С трудом отодрав голову от подушки, Айла не смогла сдержать короткий хрип. Склонившись в три погибели, Кайрон гладил ее ногу! Не просто гладил – ласкал! Как будто знал, что она женщина! Яркая вспышка осознания, что еще немного – и ее раскроют, вытолкнула из отекавшего горла несколько слов. Злых и настолько метких, что варвара просто отшвырнуло от нее прочь. Багровые глаза сверкнули ужасом, а потом оборотня не стало.

И все равно она не могла избавиться от ощущения его рук на собственном теле. Это было так по-детски – всего лишь лодыжка, но сердце отчаянно вытанцовывало в груди не только лишь от страха.

Айла еще раз пошевелила ногой, стараясь жесткостью шкуры перебить смущающие ее ощущения, а потом протяжно вздохнула. Только Кельвину она разрешала трогать и ласкать себя. Ее будущему мужу, которого она потеряла... Отказалась навсегда, обменивая собственную жизнь на жизнь брата. И видит Инт – сильнейший из трех божеств и творец мироздания, об этом Айла не жалела ни секунды.

Постепенно усталость и крепнущая лихорадка утянули ее в тяжелый долгий сон. И опять ей мерещились недовольно сжатые губы Кельвина, растерянный Вилл и тихие причитания матери, печальные глаза Стефана, а еще длинные, крупные пальцы, что осторожно гладили щиколотку.

***

Если бы Кайрон вдруг попал в логово зимующего медведя, и то не бежал бы прочь в таком ужасе. Сердце толкалось в груди так сильно, словно хотело выпасть под ноги, а пальцы горели хуже, чем если бы он сунул руку в кипящий горный источник.

Может, поэтому Кайрон едва успел заметить мелькнувшую сбоку маленькую тень. Свежий воздух остудил голову и новые запахи коснулись обоняния.

– Витар-р-р, – прорычал угрожающе.

Над головой запиричала сойка. Ветер играл в кронах, где-то неподалеку стрекотала белка.

– Витар, – ещё раз настойчиво повторил он.

Послышался недовольный вздох, и из-за раздвоенного ствола сосны выбрался детёныш. Дымчато-голубые глаза пристально изучали тропинку под ногами, но от мальчика тянуло досадой и яростью.

– Мое почтение, бета Кайрон, – пробурчал Витар. Мужчина хмыкнул – почтения в словах щенка как раз не было. А вот спрятанные за спину руки – это очень интересно. Кайрон нарочно шумно втянул воздух. Мальчишка заворчал, а потом без лишних разговоров показал нож. Большой с белоснежной, костяной рукояткой – отец мальчика был умелым мастером.

– Я убью человека, – прорычал детёныш. – Это мое право!

Ещё один болезненный укол совести заставил поспешно нахмурить брови. Отец Витара погиб в самой первой схватке с людьми. Мальчику было всего три, но его память хорошо сохранила слезы матери и сестры.

– Ты воспользуется своим правом, когда разрешит вожак, – строго отозвался Кайрон.

– Дай мне его, бета! – мальчишка упрямо вскинул голову. – Зачем ты держишь дома эту погань?

Волк огрызнулся, но слова детёныша вызывали только раздражение, но никак не гнев – щенок ещё мал и глуп.

– Тебя это не должно касаться. Пойдем, я отведу тебя к матери.

Витар засопел. Жёсткие, темно-пепельные волосики топорщились иглами, делая щенка похожим на сердитого ежа.

– Почему ты не убил его, Кайрон?

И что ответить бесхитростному детёнышу? Лучше бы люди и дальше сидели в своих душных шумных городах, а оборотни вполне перебились бы без тканей и белой пыли под названием мука.

– Я убью его через четыре дня, – пообещал он маленькому, – человек не будет жить здесь.

Внутри всколыхнулась такая буря протеста, что потемнело в глазах, но шагая рядом с детёнышем, Кайрон решил твердо – он больше не даст слабину! И для этого нужно видеть самца как можно меньше. Пусть сидит в комнате, а время – оно пройдет рано или поздно.

***

После встречи с Витаром Кайрон ещё больше убедился, что ему нужно просто подождать. Но и это оказалось трудно!

Волк злился и буянил так сильно, что даже Нельга стала опасаться просто говорить с ним. Янтарь ее глаз потемнел, и взгляд потерял свою пронзительность. А ночи стали жарче. Каждый раз волчица отчаянно заявляла свои права, но оба чувствовали, что их близость теряет краски и прежнюю страсть.

Мысли о самце по капле вытесняли все остальные. И с ужасом Кайрон понимал, что стоит вспомнить о нежной, гладкой коже, о пухлых и алых, как спелая земляника, губах – возбуждение вспыхивало неутолимым жаром, терзая измученного мужчину и зверя. Волк требовал свое, и прибывающее день ото дня желание подхлестывало воспаленные инстинкты, заглушая человеческий разум. Впервые Кайрон отчаянно жалел, что его зверь силен. День он еще мог пережить, а вот ночи превращались в пытку.

Грезы, в которых самец становился самкой, терзали, стоило смежить веки. Это было, как попасть в болото! Чем больше он сопротивлялся, тем сильнее становилось влечение.

Кайрон глубоко вздохнул сырой, утренний воздух и покосился на дверь собственного логова. После случившегося, он избегал появляться тут, кружил неподалеку, не в силах уйти совсем, но держался, позволяя себе лишь принести самцу еды и воды, а утром и вечером отпереть дверь, чтобы мальчишка мог выйти к ближайшим кустам. Сам же старался уйти подальше, и не смотреть в ту сторону лишний раз. А потом сбегал, словно это он нежеланный гость в собственном доме. Злился ужасно. Но был готов на все, лишь бы снова не допустить постыд-

ной слабости. Не сорваться и не сграбастать тонкую фигурку в объятья, защищая от всех и вся, злобно оскаливая клыки на любую угрозу.

Кайрон сжал пальцы так сильно, что костяшки побелели. Сейчас он зайдет, поставит миску с едой и выйдет. Все. Лишь полминуты, а потом его ждет свежесть леса и вкусный запах волчицы. Два десятка шагов. Таких легких и невероятно трудных.

А волк нетерпеливо толкал его вперед, стремился к мальчишке, как умирающий от жажды ползет к прозрачному, звонкому ручью. Алчет сделать хоть глоток, готовый отдать за это жизнь и душу в придачу.

Еще один мучительный вздох и мужчина шагнул на порог. Влекущий запах тут же наполнил легкие, окутал незримым коконом, подчиняя и дурманя разум. Грохотом крови в ушах приказывал бежать вперед, вырвать из плена шкур и духоты его источник, и вкусить, наконец, сочной сладости чувственного рта.

Кайрон с силой затряс головой и повел плечами так, что рубашка на спине натянулась до треска. Отмахнувшись от беспокойного скулежа волка, твердым шагом прошел к двери. Распахнул ее мощным рывком и... опять застыл.

Вечерняя вода и еда оказались не тронуты. И сиплое дыхание больше не царапало слух. Стон ужаса и боли вырвался из горла.

– Айвилл!

Миски и кувшин с грохотом полетели на пол, разлетаясь в дребезги. Путаясь в ослабевших ногах, он бросился к постели.

– Айвилл, Айвилл...

Твердил, как ненормальный, выпутывая безвольное тельце из шкуры. Лицо в обрамлении черных сальных волос мелькнуло смазанным пятном. Перед глазами все танцевало и прыгало, но взгляд сразу прилип к бледной коже, задержался на несколько глухих ударов сердца, а потом улиткой пополз по неподвижным чертам. И волосы на затылке стали дыбом от животного ужаса, острым прозрением, резанувшим по глазам.

– А-а-айвил... – застонал, не в силах поверить увиденному. – Нет, не-е-ет...

Он бредит! Это не мальчишка лежит сейчас перед ним неподвижно и тихо! Все это просто мираж измученного рассудка! Другой, гораздо меньше прежнего нос, совершенно изменившийся разрез глаз и появившиеся скулы... И только губы, эти сладкие пухлые губы... Которые могли принадлежать только...

– Женщина-а-а... Ты – женщина!

Глава 9

Крик разбился о бревенчатые стены, рассыпался осколками под треск рвущейся материи балахона и рубахи. И короткий болезненный рык завибрировал в горле, когда перед ним появились бинты. Серые, плотные тряпки, тугими кольцами обмотавшие всю грудную клетку.

Пальцы тряслись, когда он рвал грязную повязку, шум в ушах сплетался с жалобным подвыванием волка. Ему хотелось схватиться за голову, сжимая короткие пряди волос, и болью прогнать ещё худшее видение, чем некрасивый, испуганный самец. Два аккуратных, удивительно нежных холмика были теперь свободны, темные кружочки сосков могли бы вызвать пожар в груди, но его трясло, как в ознобе. И зубы клацали друг от друга, пока он резкими быстрыми рывками освобождал от грязной ткани худощавое тело.

Рёбрышки проступали под тонкой кожей – он ведь совсем не кормил ее нормально... Темные синяки виднелись на изящных изгибах плеч – отвратительные метки его силы, когда, потакая слепой ярости, он швырнул самку в озеро. Такая нежная! И следы от веревок на запястьях до сих пор не сошли.

Когда балахон вместе со штанами распахнулся в стороны – сомнений уже не оставалось. Выпуклый холмик лона был покрыт маленькими завитками. В последней отчаянной попытке доказать себе, что он ошибается, Кайрон коснулся темных волосиков. Гладко.

– Женщина-а-а...

Изломанный голос хрипел и булькал. Зверь не ошибся! Это он, он! Только он был слеп! Поверил собственным глазам, не пытаясь думать головой! Шарахался сам себя, погряз в собственном стыде и вместо того, чтобы услышать волка, твердил про собственную ошибку!

Девушка перед ним не шевелилась. Холодная, словно лёд, измученная жестокой лихорадкой. Он едва разбирал неровный стук сердца и слабое, прерывистое дыхание.

– Сейчас... сейчас...

Бормотал, то пытаясь растереть ледяные ручки, то замерзшие ножки. От собственной бесполезности тошнотворная слабость превращала тело в дрожащий студень.

– Айвилл...

И теперь ее имя звучало иначе, да и ее ли оно было?! Кайрон вскочил на ноги и, спотыкаясь, бросился в главную комнату. Крышка кованого сундука отлетела в сторону. Плащ из меха ширшола темно-серой занавесью мелькнул в воздухе. Привилегия сильнейших оборотней – он согреет в самый лютый мороз и вернёт тепло тому, кто в нем нуждается.

Айвилл изломанной куклой лежала на развороченной постели. Голова запрокинута, рука безвольно свисала, и длинные пальчики почти касались досок пола.

Завернув девушку, Кайрон бегом понёсся к шаманкам, и его не волновали ни удивлённые крики соплеменников, ни хлещущий по плечам ливень. Рубашка промокла почти сразу, сапоги скользили по мокрой траве, но серый мех ширшола почти не пропускал воду – лишь это было важным.

До просторного логова шаманок было ещё несколько десятков шагов, а он уже чувствовал тонких запахов жженого дерева. Гвен там! Не ушла в горы или к горячим источникам, не умчалась белоснежной волчицей в ущелье, к священным камням, а сидела под плетёным навесом и резала из брусков обереги.

– Гвен! – выдохнул, падая на колени. – Вылечи ее!

– Твой волк ошибся, – не подымаясь головы, возразила демонова лисица, – не в этом ли ты убеждал всех и себя?

И хоть бы удивление или возмущение он услышал в ее голосе! Но нет. Он был сух и скрипуч, словно снег.

– Ты вылечишь ее! – рявкнул Кайрон.

А у самого душа в пятки ушла – шаманок не просят так нагло. Не приказывают и не требуют, как сейчас требовал он. Никто из вождей не может принудить вестниц Матери Волчицы сделать хоть что-нибудь.

И все-таки Гвен посмотрела на него. Пристально и долго. А потом, ни слова не говоря, сложила резные фигурки в плетёный ящичек и просто исчезла в недрах большого логова.

***

«Тебе стоит запастись терпением, если ты хочешь заставить инструмент петь соловьем, а не кашлять, как осипший от вина пьяница», – так любила повторять их соседка. Она была бродячим менестрелем, пока старость и усталость не заставили осесть тут, в их городке. Айлу рыжая Франко заметила ещё девочкой. «Чудный голосок, тонкие пальчики. Эй, пташка, что стоишь, распахнув клювик? Лети ка сюда! Научу колдовству!» Так заманила стареющая менестрель к себе на двор последнюю ученицу.

«Терпи доченька, твои силы – это дар». Руки мамы теплые и мягкие, а нежный голос звучит печально. Айла терпела. Ей было ужасно плохо, но она старалась сжимать зубы, чтобы те не стучали сильно. Целительская магия не даётся просто так – она рождается в столах и лихорадке.

«Представь, что твои силы – это вода. И чтобы лечить, ей нужно дать выход. Терпеливо води их к свободе» На берегу их озера Вилл выкопал небольшую ямку, которую тут же наполнила вода. А потом крепкой палкой провел борозду, выпуская влагу на свободу. Айла внимательно следила за тоненьким ручейком. Вилл так интересно рассказывал! Но учебу в Академии родители смогли оплатить лишь ему. Айла не обижалась. Лекарки иногда выгорали после родов, а вот магички никогда. Странная шутка Богов, но что поделать – Дар созидания хрупок и неустойчив.

«Айла, это почти не больно. Немножечко терпения и все» – шептал Кельвин, уговаривая на близость. Ей нравился этот страстный, срывающийся шепот, и лихорадочный блеск потемневших глаз. Не отталкивали лёгкие проглаживание спины и шеи, и даже поцелуи, хотя она считала странным засовывать язык в чужой рот. А ещё было ужасно приятно, что Кельвина не испугал ее высокий, больше чем у отца, рост. И наличие четырех сестер, что просто кричало об отсутствии нормального приданого. Она очень удивилась, когда приезжий парень выбрал не кого-нибудь, а нескладную «каланчу», и даже согласилась погулять вместе. Парни, конечно, глядели и в ее сторону, но лишь когда им нужна была помощь, ну или Айла вновь бралась за лютню, вспоминая уроки почившей Франко. Чаше, правда, им хотелось более близких отношений, но, рассчитывая на лёгкую добычу, они уставали ждать. Айла думала, что Кельвин поступит так же, и какова же была ее радость, что даже через полгода, он все еще называл их парой и не требовал близости. А на праздник Весеннего огня, может из-за хмеля, а может из благодарности, она все же согласилась потерпеть. Правда мало что поняла, кроме того, что пока не хочет повторять. Но Кельвин ее не бросил. И даже не упрекнул в побеге, едва только все закончилось. А через два месяца пришло письмо-вызов...

«Мелкий, а терпеливый! Отработал сегодняшнюю пайку» – большая рука хлопала по спине так сильно, что Айлу шатало. Она смеялась устало и хрипло, пугаясь собственного изменённого голоса. Круглые глаза Стефана щурились в ответной улыбке, а ее берет оторопь – как после длинного перехода можно находить сил разговоры и еду? Она бы лучше полежала, но заботливый рыжий лекарь не собирается ее отпускать не накормив. Этот великан стал ей нянькой с самых казарм, куда надлежало прибыть всем призванным. Она попыталась прошмыгнуть мимо, но неудачно задела локтем стоящего в компании целителей громилу, тут же перехватившего ее за локоть. «А ну, кто это тут у нас...» Айла вся сжалась, глядя на носки огромных сапог, но неожиданно над головой раздался звучный, как гром, смех, который она потом слышала не раз. Как и постоянное – «Терпи».

Это слово звенело в голове тонкими струнами лютни и нежной колыбельной, билось треском походного костра и тянулось длинным, витиеватым рассказом. Оно уговаривали, искушало, приказывало, не давало ей забыться, утонуть в темной стыни, плотным туманом подступающей со всех сторон.

Иногда она слышала и другие слова.

– Пей, – шуршал дождь, смачивая пересохшие губы влагой. Горькой и густой. Айла давилась. Горло казалось узким-узким, как игольное ушко, и туда не могли просочиться его капли.

– Тихо... тихо... – подвывал ветер, когда холод становился совсем невыносимым.

– Спи, – уговаривала тьма, клубившаяся над головой. Айла видела в ней странные серебристые пятна и золотые искры. Слышала негромкий вой и чувствовала сырой запах леса. Ощущала присутствие чего-то большого, не совсем ей понятного, но не опасного. Оно бродило совсем рядом, на границе сознания. Бесшумное и невидимое за плотной пеленой тьмы. И рядом с ним Айле было не так страшно.

А ещё иногда до нее доносился мягкий осторожный рык. Почему-то очень знакомый. Он окружал ее теплым, успокаивающим коконом, и ненадолго ей становилось легче.

Понемногу в горло стало попадать все больше горьких капель, а тьма перед глазами начала принимать очертания. Уверенность, что ей все же нужно попытаться открыть глаза, крепла с каждым ударом сердца. Но первая попытка была неудачная – на лицо как будто положили мокрой теплой каши, оставляя свободными только ноздри и рот. Второй раз сильно ничего не поменялось, было темно и лишь слабое багровое свечение мелькало где-то сбоку, ну а на третий...

– Очнулась, наконец, – проворчал старый, надтреснутый голос. Айла моргнула раз, другой, и тонкая вуаль мути расползлась в стороны, а перед глазами очутилось изрезанное морщинами лицо. Блеклые, светло-серые глаза, белоснежные волосы и крупные, обнаженные в усмешке клыки.

Оборотень! А она тут, ослабшая, беззащитная и... голая?! Стон ужаса и отчаянья вырвался из пересохшего горла.

Глава 10

Кайрон метался по логову, готовый лезть на стены и бегать по потолку. То бросался обратно в коморку, жадно принимаясь к ослабевшему аромату ягод и меда, то выскакивал на улицу, пристально вглядываясь в сторону логова шаманок.

Шел пятый день, как он оставил у шаманок пару. Не по своей воле – его взашей выгнала Гвен. Пришлось уступить, хотя больше всего на свете хотелось выторговать себе место хотя бы на пороге! Или ещё лучше – уговорить Мать Волчицу вернуть все, как было.

Осознавать, что все это время рядом находилась женщина, было невыносимо! Во сто крат хуже того стыда, что грыз его до. Все в нем противилось воспоминаниям, что по его прихоти терпела беспомощная самка. Кайрон жевал и пережевывал каждую минут от начала их встречи, и во всех мирах не было горше пищи для ума! Кусачая мошкара вопросов и домыслов терзала его от зари и до зари. Лишала сна и аппетита, гнала к логову шаманок, заставляя несколько раз на день проверять границы милости Гвен.

Он бродил там и человеком, и волком. Звал свою самку, но на пороге появлялась лишь мудрейшая и каждый раз качала головой.

Глухо зарывчав, Кайрон саданул кулаком по столу. Доски хрустнули, и глухая боль плетью перетянула от запястья до плеча.

– Еще несколько дней, и ты приведёшь самку в руины.

Эйнар стоял на пороге, ожидая приглашения, будто он не сын вождя, которому с рождения позволено многое, в том числе и заходить в логово соплеменников без их ведома. Кайрон чуть опустил голову. Помощь товарища была ему нужна!

– Если до этого она...

И вновь слова оборвались рыком. Он не мог думать о смерти самца, а уж теперь и подавно! Глупая, зачем она молчала? Как вообще оказалась среди жаркого боя и крови?

– Гвен ее выходит, – бесшумно и ловко молодой оборотень пересек комнату и уселся на уцелевший стул, – подумай лучше, что будет после. Стая гудит, как улей растревоженная пчел. Отец недоволен.

Конечно, вожак будет недоволен! Человек, вздумай прийти к ним с оружием, по закону достоин смерти. Но это самец! А самка? Что им делать с человеческой женщиной, которая решила за каким-то демоном обрядиться мужчиной?! Он с силой потёр переносицу, стараясь унять ноющую головную боль.

– Кайрон, – широкая ладонь легко сжала плечо, – нельзя пускать это на самотек. Сбора Кланов не избежать. Мы должны решить, как поступать дальше.

– Она может не оправиться, – в полголоса произнес Кайрон, не пытаясь скрыть горечи.

– Ты не знал, кто она, – Эйнар задумчиво оглядел разгромленную комнату, – ее видело и чуяло несколько десятков оборотней, и ни один не догадался.

Жгучая, звериная ревность алой дымкой ударила в голову. Несколько. Десятков. Оборотней. Мужчин, которые выхаживали перед самкой! Его парой! Единственной...

– Успокойся, – рыкнул Эйнар, – и лучше займись чем-нибудь полезным, а не круши мебель в своем логове!

Единственное, что ему казалось действительно полезным, это вновь бежать к шаманкам. А ещё стоило бы зайти к Нельге. Объясниться нормально. Ещё в первый день, когда весть о том, что мужчина оказался женщиной, облетела Сумеречных со скоростью лесного пожара, волчица разъяренной фурией возникла на пороге.

– Ты – мой, – шипела, минуя приветствие, – я не отдам тебя человечке!

Медовые локоны обрамляли румяное от гнева лицо, и янтарные глаза горели таким жарким пламенем, что воздух вокруг женщины плавился от ярости. Но зверь, уже полностью сво-

бодный от ошейника заблуждений и ограничений, ответил ей злым рыком. Волчица больше не казалась ему привлекательной. И он не допускал и мысли, что будет теперь с ней.

– Мы больше не вместе, Нельга, – сквозь зубы тогда выцедил он, – Уходи, пока я ещё сдерживаюсь!

– Твой зверь ошибается! – упрямо рычала девушка. – Не смей слушать его!

– Нельга!

Взвыв от бессилия и гнева, волчица исчезла, словно ее и не было. Разговор вышел болезненным и некрасивым. Но никто из них не был виноват, что Мать Волчица нашла ему пару! Только радость от того, что его тяга была все-таки к женщине, оказалась подпорчена. Человечка! Слабая, не способная к обороту, не знающая их традиций и не чтящая законов...

Волк внутри встрепнулся и призывно заскулил. Ему было все равно, чьих кровей пара.

– Охота и сон помогут тебе, – напоследок посоветовал ему Эйнар. – Ты не останешься один в любом случае. Кем бы не являлась твоя пара -для Сумеречных ты не просто волк, а бета.

И мужчина покинул его дом, оставляя на растерзание тишине и собственным мыслям. Время тянулось медленно, но к вечеру на пороге дома возник ещё один гость.

– Она ждёт тебя, – и слова старой Гвен вышвырнули его из собственного дома.

***

Волосы под пальцами пушились густой шапкой. И с лица спали последние следы отека. Айла осторожно ощупывала себя прежнюю. Недоверчиво трогала то снова прямой и ладный нос, то появившиеся скулы.

Ее секрет был раскрыт. Женщина, в чьем доме она очнулась, оказалась не просто оборотнем – шаманкой поселения, куда приволок ее варвар. Она и уняла жар, а ещё согнала остатки отека с лица.

Айла опять тронула кончик носа и поежилась. Паника, которую она так старательно давила, пухла быстрее теста на пару. Все осторожные вопросы по поводу будущего разбивались об непрошибаемое «Все хорошо» или «Тебе нечего бояться, избранная самка» И каждый раз Айле становилось дурно от этих слов. Для кого она избранная? Почему самка? Так называют животных! И в голове сразу складывались тошнотворные образы жизни в клетке. Обнаженной, растерзанной, доступной для любого... Каждый из варваров сможет взять ее, использовать, оставляя в покое, лишь когда она будет скидывать очередного, зачатого против воли ребенка... Она много слышала о зверствах этих дикарей. Старалась делить слухи пополам, а то и на четыре доли, и все равно картина оставалась ужасной!

Комната перед глазами поплыла, и Айла вцепилась в нежный мех ширшола. Вид настоящего сокровища не шокировал больше. Бревенчатые стены комнаты давили и резные фигуры волков, стоявшие на полках, и висевшие на стенах в окружении пучков веток и трав, смотрели на нее своими слепыми глазами.

Айла задышала часто-часто, пытаясь унять дрожь. Пока с ней все хорошо. Ее не обижают, кормят и даже помыли. Наверное, когда она металась в лихорадке. Дали одежду... Свободную рубаху из плотной светлой ткани, а ещё штаны и юбку. Все простое, но аккуратное, сшитое под ее рост... Хотя варвары все рослые и, скорее всего, это ей убавляли рукава и подол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.